

СТАТЬИ

DOI 10.15826/vopr_onom.2023.20.1.001
УДК 2-264 + 811.19'37 + 39(=19) + 398.221 +
+ 81'01

А. Е. Петросян
Институт археологии и этнографии
НАН Республики Армения
Ереван, Армения

ДРЕВНЕЙШИЙ АРМЯНСКИЙ БОГ ГРОЗЫ, ХУРРИТО-УРАРТСКИЙ *ТЕШШУБ* / *ТЕЙШЕБА* И ГРЕЧЕСКИЙ *ТЕСЕЙ*: ОБРАЗ И ИМЯ

Наиболее выдающимися памятниками Древней Армении являются огромные каменные стелы вишапы («драконы»), первые из которых датируются началом эпохи средней бронзы (XXIV в. до н. э.). Подробный анализ показывает, что вишапы были атрибутами индоевропейского грозового культа, их до заимствования иранского слова *višar* называли индоевропейским именем мифологического Змея (**get* < **wel-*), противника громовержца. Отголоски этого мифа выявляются также в других археологических артефактах доурартской Армении. Самый интересный из них, так называемый топор-бык, — бронзовый предмет, в центре которого изображено нечто, напоминающее голову быка и одновременно топор, окруженное двумя или тремя открытыми или замкнутыми спереди концентрическими кругами. Подобная композиция, согласно Л. Абраамяну, может быть наилучшим образом объяснена греческой мифологемой «Минотавр в лабиринте». Индоевропейский громовержец воплощает архаичный образ воина. Его оружием были молот или топор, а символом — бык. Имя хуррито-урартского бога грозы (хурр. *Teššub*, урарт. *Teišeba* / = *Theišewa*) не имеет приемлемой этимологии на этих языках. Его атрибуты, символ и функции (топор, бык, победа над каменным чудовищем) напоминают образ индоевропейского громовержца. В статье предлагается армянская этимология этого теонима — от и.-е. **tek's-* + **h₂ep-* «Держатель топора». Его образ в лице *Тесея* (греч. *Theseus*) — победителя Минотавра, видимо, из Киликии и Леванта, через киликийских ахейцев конца II тыс. до н. э. попал в греческую мифологию, став одной из ключевых фигур критского цикла.

© Петросян А. Е., 2023

К л ю ч е в ы е с л о в а: индоевропейское языкознание; индоевропейская мифология; бог грозы; хурритская мифология; *Теишуб / Тейшеба; Тесеи*

Армянский термин *taparac 'ul* «топоробык» был введен Л. А. Абраамяном [2004] для обозначения довольно распространенного бронзового артефакта из погребений раннего железного века Армении (XII–IX вв. до н. э.). В центре такой композиции находится нечто, напоминающее голову быка и одновременно — топор, окруженное двумя или тремя открытыми или замкнутыми спереди концентрическими кругами, которые выходят из шеи и тела быка или рукояти топора (рис. 1–3). Абраамян считает, что композиция *топоробыка* может наилучшим образом объяснена греческой мифологемой «Минотавр в лабиринте». Концентрические круги — схематическое изображение лабиринта, в центре которого — бычья голова Минотавра, похожая на топор или двойной топор, что отражает представления о лабиринте как о «доме лабриса», ср. греч. *λάβρυς* ‘лабрис, двойной топор’ и *λαβύρινθος* ‘лабиринт, обитель Минотавра’ (о двойном топоре и мифе о лабиринте и Минотавре см. [Лосев, 1957, 114–121, 206–235]; эта интерпретация подвергается сомнению, но она все же вероятна, а в мифе выявляется хотя бы на уровне народной этимологии [см.: Там же, 120; ср.: Beekes, 2010, 819]).

В своих работах я стремился показать, что: 1) *топоробык* был знаком власти и почета, своего рода «орденом» бога-воина — громовержца [Petrosyan, 2023]¹, 2) эта композиция восходит к местным мифологическим представлениям, известным с начала эпохи средней бронзы — XXIV в. до н. э. [Петросян, 2015, 26–27, 38–42; Petrosyan, 2023]. Наиболее выдающимся памятниками Армянского нагорья этой эпохи являются огромные каменные стелы вишапы («драконы»). Многие из них имеют форму вертикально стоящей рыбы, на голову которой накинута шкура быка с головой, а на некоторых по длине стелы есть изображения шкуры быка в виде трехчастного дерева (голова быка представляет собой верхушку дерева, рога и ноги — поднятые вверх ветви, похожие на ветки тополя или сосны, а тело и хвост — ствол). Подобные изображения быков и их шкур встречаются также в древних наскальных рисунках Армении, часто в схематичном виде (рис. 4–6).

¹ С начала железного века (XII в. до н. э.) на территории, соответствующей современной Республике Армения, идет интенсивный процесс милитаризации общества. Появляется новая социальная прослойка — профессиональные воины. В этом контексте особенно хорошо изучен Оромский могильник Ширакского района, где четко различаются захоронения мужчин старше 40 лет, в которых, в отличие от захоронений молодых, находят множество знаков воинского отличия, среди них штандарты, свастики и пр., в том числе *топоробыки* [Бадалян, Агемян, 1994; Аветисян, Мкртчян, 1994; Мкртчян, 2001, 54–56; Геворгян, 2010, 203; Аветисян, 2014, 57, 65].

Рис. 1. Топоробыки
[Avetisyan et al., 2018, 58, fig. 15D; 33, fig. 4N, K]

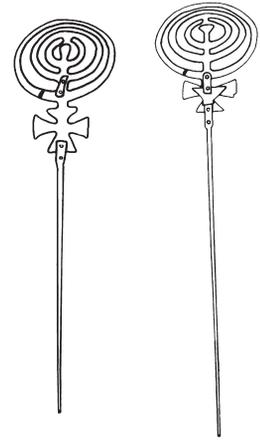

Рис. 2. Декоративные
булавки-топоробыки
из Ширакавана.
Рисунки предоставлены
А. Ц. Геворгяном

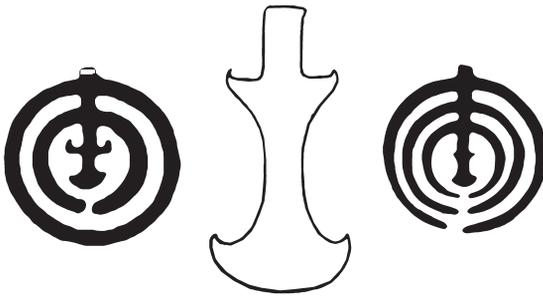

Рис. 3. Топоробыки и топорик раннего железного
века [Abrahamian, 2023, fig. 1]

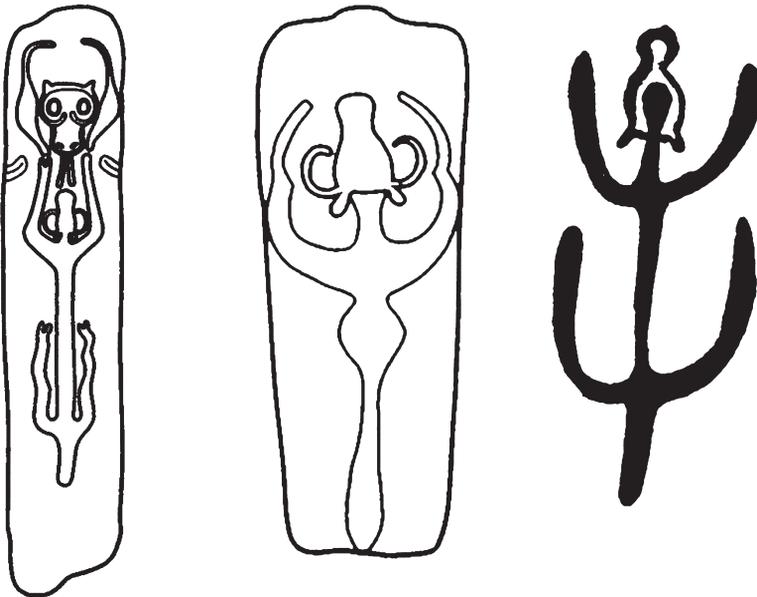

Рис. 4. Изображения шкур быков, напоминающие топоробыки,
на стелах-вишапах и на наскальном рисунке
[Петросян, Бобохян, 2015, II, рис. 1, 4; Петросян, 2015, 23, рис. 2]

Рис. 5. Классический лабиринт на критской монете. Вторая половина I тыс. до н. э.

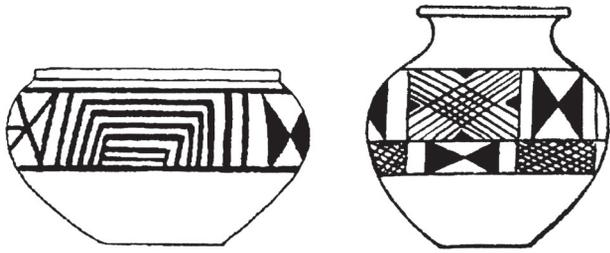

Рис. 6. Сосуды с изображениями лабиринтов с иероглифическим знаком «молния» [Abrahamian, 2023, fig. 6, 7]

Очевидно, что бычья шкура с головой играла важную роль в ритуальной жизни общества. В композиции *топоробыка* окружности вокруг головы быка сравнимы с рогами и ногами шкуры, только задние ноги вытянуты и выдвинуты вперед, так что предмет принимает форму лабиринта. Изображения на каменном вишапе и бронзовых изделиях хотя и восходят к одному и тому же архетипическому образцу — бычьей шкуре, переходящей в мифологическое древо или в лабиринт, но имеют разную хронологию. Бычья шкура на каменном драконе или наскальной живописи является более или менее реалистичной иллюстрацией архаичного ритуала, тогда как бронзовый артефакт представляет собой позднюю условно-схематическую конструкцию.

Для дальнейшего изложения материала необходимо представить некоторые сведения о смене археологических культур Армянского нагорья IV–II тыс. до н. э. После эпохи энеолита, с середины IV тыс. до середины III тыс. до н. э., здесь процветала куро-аракская раннебронзовая культура. Ее характеристиками являются отсутствие выраженной социальной стратификации населения и мирный, земледельческий, оседлый образ жизни в поселениях. Для периода начиная с середины III тыс. до н. э. характерны совершенно иные факты: приток племен — носителей воинственной идеологии с ярко выраженной социальной стратификацией, роскошные погребения вождей в курганах (особенно отличается в этом отношении триалети-ванадзорская культура). Вскоре появляются и другие пришельцы, поселения и прежняя культура разрушаются, доминирующим становится (полу)кочевой образ жизни. Эти новые пришельцы во многом напоминают индоевропейских воинов-завоевателей. Кроме того, некоторые особенности культуры (курганные захоронения и др.) могут указывать на первоначальные территории обитания по крайней мере части пришельцев — курганную / степную прародину индоевропейцев [Petrosyan, 2018b, 119–120, с литературой].

Подробный анализ показывает, что стелы-вишапы могут быть интерпретированы как атрибуты индоевропейского грозового культа. Согласно Вяч. Вс. Иванову и В. Н. Топорову, имя соперника бога грозы — Змея — в этом мифе восходит к корню **wel-* [см. например: Иванов, Топоров, 1974, 31–75]. Регулярный рефлекс его в армянском — **get*, и с этим корнем связаны названия мест концентрации стел-вишапов: горы *Getam* (где находится 60 вишапов из 150 известных), провинция *Getak'uni* (которая в урартских надписях называется *Uelikuni / Uelikuhi*). Два самых больших скопления вишапов находятся там же, на горе *Get* (а гора рядом называется *Azdahak* — по имени Змея иранской мифологии, *Aži Dahaka*) и у крепости *Geti* (< **weliyo-/ya-*). Эти факты дают основания думать, что в древности, до заимствования иранского слова *višap*, эти стелы назывались именно *get*-ами.

И сами стелы, и изображения на них могут интерпретироваться как связанные с указанным индоевропейским мифом: стелы в форме рыб можно рассматривать как статуи водяного рыбоподобного Змея (собственно, слово *višap* по-армянски и означает водное существо, рыбу-змея), противника бога-громовержца [Петросян, 1987; 2015, 33–36]; бык был символом бога грозы в древних ближневосточных и индоевропейских традициях [Иванов, 1980], так что изображение на вишапе шкуры быка можно понимать как жертвоприношение этому божеству животного — его символа.

Оружием бога-громовержца на Ближнем Востоке были дубина, молот или (двойной) топор, в древней индийской традиции — *vajra* ‘палица-молния’, у славян, германцев и кельтов — топор или молот, на Кавказе — топор (для ближневосточных традиций см. [Дьяконов, 1990, 142], для индоевропейских [Иванов, Топоров, 1974, 93, 95], для Кавказа [Сефербеков, 2005, 77]). Бог-громовержец в индоевропейских традициях — носитель военной («второй» по Ж. Дюмезилю) функции, он воплощает архаичный образ воина. Показательно, что арийская *vajra* вошла в финские языки в значении ‘молот / топор’ (ср. фин. *vasara* ‘молот’ и морд. *užer* ‘топор’ [см., например: West, 2007, 251–254]). Молот является оружием громовержца и в армянской традиции, а в эпосе «Сасунские удалыцы» оружие «меч-молния» — нововведение [см.: Петросян, 2020, 60 и далее]².

В древнеиндийской традиции бог грозы Индра уподобляется быку, а его удар ваджрой — молнии. Основной его подвиг — когда он ударами ваджры побеждает змея Вритру. Для нашей темы исключительный интерес представляют данные близкородственной иранской традиции, где соответствием ваджры выступает др.-перс. *vazra* (н.-перс. *gorz*) ‘палица, булава’. В иранской религии

² С начала эпохи средней бронзы на Армянском нагорье и в сопредельных областях появляются маленькие топоры нового типа, которые в отличие от топора ранней бронзы могли иметь только символическое значение — как атрибуты власти (ил. 1–9). Можно предположить, что эти топоры связаны с эпохой появления в регионе индоевропейцев, у которых они были атрибутами и символами бога войны и грозы и его земных соответствий — племенных вождей [Петросян, 1997, 110].

после реформы Заратуштры произошел сдвиг функций персонажей, и оружие громовержца вместе с функцией бога-воина перешло к Митре / Михру. В «Авесте» Митра — главный противник властелина злых сил Ангро-Майнью, который больше всего страшится его палицы, самого могущественного и победоносного оружия в мире (Mīhr Yasht 96, 132) [EIr, s. v. *Mīhr Yašt*]. Древнеиранским соответствием мифа о противоборстве Индры и Вритры является поединок героя Траетаоны и змея Ажи Дахака. В «Шахнаме» эти герои выступают под именами Фаридун и Заххак, причем Фаридун побеждает Заххака именно «быкоголовой» палицей Михра («И будешь ты сражен, о царь суровый, / Ударом палицы бычьеголовой» [Шахнаме, 42]). Быкоголовая палица, очевидно, являет образ быка — символа громовержца (рукоять — тело, боек — голова). Зороастрийская традиция связывает появление этой палицы с кузнецом Каве — вождем восстания против нечестивого царя-змея Заххака, ставшим праотцом иранских царей династии Каянидов. Каве был одет в фартук из кожи быка, который он водрузил на древко копья в качестве знамени. Это знамя стало символом иранских царей до конца сасанидской эпохи. До сих пор зороастрийские жрецы-мобеды носят быкоголовые палицы, называющиеся «палицами Михра / Фаридуна» (*Gorz-e Mehr, Gorz-e Ferēdun*, см. ил. 1–9), и верят, что Михр три раза в день бросает свою палицу над адом для устрашения сил зла [EIr, s. v. *Gorz*].

Древние индоиранцы — арии — были близкородственны предкам греков и армян, вследствие чего восстанавливается эпоха греко-армяно-арийской общности (после разделения индоевропейского праязыка) [Martirosyan, 2013, с литературой]. В греческой и армянской традициях сохранились следы мифологической связи и.-е. **weh₂ǵ-* ‘бить, разрушать’ и **weh₂ǵ-ro-* ‘ваджра, палица-молния громовержца’. В греческом соответствии слову, обозначающему ваджру, обнаруживается как компонент имени героя *Μελέαγρος* (< **Melewagros* [см.: Watkins, 1995, 408–413]). В армянском **weh₂ǵ-* фигурирует в названии горы на севере Араратской долины *Արագաց* (*Aragac*), где первая часть — теоним *Ara*, а *gac* — регулярный рефлекс корня **weh₂ǵ-*. Реминисценция к оружию громовержца сохранилась в легенде о видении Григория Просветителя, где центр Армении — Араратская долина, или «поле Ара» — заново создается после удара божественного персонажа золотым молотом по центру столицы: «Из пропасти ада послышался страшный и невыносимый грохот. И вся видимая, обозримая глазом земля превратилась в гладкую и ровную равнину» (Агатангелос, § 735); в восстановленном мифе гора Арагац и «долина Ара» были созданы ударом оружия бога по мифологическому змею и его обиталищу — подземелью [см.: Петросян, 2022].

В употребляемых в магических целях армянских идеограммах, известных из средневековых источников, знак, схематически изображающий двойной топор (два треугольника, соединенных вершинами), называется «молнией». Этот знак молнии часто встречается и в доисторических армянских наскальных

Ил. 1. Серебряный декоративный топор вождя из Карашамба. Конец III тыс. до н. э.

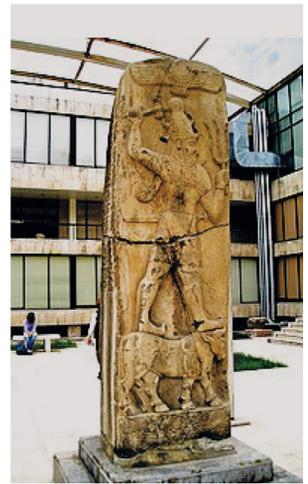
Ил. 2. Иранская быкоголовая палица. Музей «Метрополитен», Нью-Йорк

Ил. 3. Хаджи Ага-хан. Портрет Фередуна. Начало XIX в.

Ил. 4. Парашурама

Ил. 5–6. Тешшуб, синкретизированный с анатолийскими богами грозы

Ил. 7. Тейшеба

Ил. 8–9. Тесей, убивающий Прокруста

рисунках [Мартиросян, 1973, 22–24]. Есть и другие примеры мифологической ассоциации лабиринта, двойного топора и молнии в искусстве эпохи средней бронзы: на некоторых керамических сосудах эти знаки изображены рядом с рисунками, напоминающими лабиринты. Возможно, эти образы восходят к мифологическому комплексу «бог молнии, лабрис и лабиринт» (см. рис. 4–6) [Abrahamian, 2023].

* * *

Имя хурритского бога грозы *Тешшуба* (клинопис. *Tešub / Teššub, Tešup / Teššup*, хетт. *Tešupas*, читать: *Teš(š)ob(p-)*) засвидетельствовано с III тыс. до н. э., но он стал главным богом хурритов, вероятно, позже, в первой половине II тыс. до н. э. Как широко распространенный компонент хурритских теофорических личных имен эта номинация не прослеживается раньше XV–XIV вв. до н. э. [см.: Gelb, 1944, 115; Вильхельм, 1992, 88–89; Schwemer, 2001, 445].

Фигура бога Тешшуба обычно считается хурритской по происхождению, и включение его имени в состав теофорических имен также расценивается как указание на их хурритское происхождение. Однако у имени Тешшуба нет приемлемой хурритской этимологии [см., например: Schwemer, 2001, 444–445, прим. 3698]. И. Гелб полагал, что это имя могло быть заимствовано из какого-то дохурритского языка [Gelb, 1944, 30, 55], а Э. Ларош считал комплекс представлений, связанных с Тешшубом, чуждым хурритам [Laroche, 1976, 96 и след.]. Имя знаменитого противника Тешшуба *Улликумми* тоже часто относят к хурритским, но хурритская интерпретация этого имени, скорее всего, является народной этимологией [Там же, 279; Petrosyan, 2016, 135]. Естественно, возможности хурритской этимологии ограничены, но указанные соображения дают возможность искать истоки имени Тешшуба в других языках.

Важнейшим центром культа Тешшуба был город Халаб (Алеппо), где в первые века II тыс. до н. э. этот бог отождествлялся с местным богом грозы Адду. Поклонение ему было распространено от Сирии до юга Армянского нагорья и Анатолии (где его образ сливается с хеттско-лувийскими богами грозы). Имя жены Тешшуба *Небат* (варианты: *Ḫibat, Ḫipatu, Ḫapatu, Ḫiba, Ḫipa*), очевидно, не хурритское, а семитское, и его интерпретируют как «Халабская (богиня) / Халабитянка» [Archi, 1998, 42]. Тешшуб, как и другие древние боги грозы Ближнего Востока, был вооружен (двойным) топором — лабрисом. Именно по этой причине статуэтка из Кармир-Блура, держащая в одной руке топор, в другой — молот, отождествляется с Тейшебой [Пиотровский, 1944, 277, 279] (см. ил. 1–9).

Образ Тешшуба / Тейшебы очень близок к индоевропейскому богу грозы. Атрибутом германских, балтийских и славянских богов грозы, как уже говорилось, был топор / молот, который, очевидно, сопоставим с топором и молотом Тешшуба / Тейшебы. Индоевропейский бог грозы бьет своим оружием гору / скалу и поражает своего противника Змея [Иванов, Топоров, 1974], а самый

мощный враг Тешшуба — рожденное из скалы и постоянно растущее каменное чудовище Улликумми [Hoffner, 1990, 52–61], чье имя соотносится с именем Змея индоевропейского мифа, **wel-* (ср. еще название страны «каменных вишапов» *Ueliku-ni/hi* [см.: Petrosyan, 2002, 81–83; 2016, 134–135, 140])³. Символом Тешшуба был бык, а Тейшебе жертвовали быков и баранов, и его, как и других великих богов Урарту, изображали с бычьими рогами.

В Армении вследствие сильного иранского влияния имена древнейших армянских богов были вытеснены иранскими, а их образы перешли на более низкий уровень эпических героев — легендарных этнархов Армении [Петросян, 2020, 35–42; 2021в]. В этой новой системе Тешшубу / Тейшебе соответствует второй эпоним Армении — патриарх *Арам*. В индоевропейском контексте его имя соотносится с индийским именем *Рама* (*Rāma-*) — от **h₂reh₂mo-* ‘темный, черный’, а образ — с первым из мифологических Рам, *Парашураме* (*Paraśurāma-*), «Рама с топором» [Петросян, 1997, 18; Petrosyan, 2002, 45–52] (см. ил. 1–9). Самый известный из мифологических Рам, герой эпоса «Рамаяна», выступает в качестве эпической трансформации грозового Индры [см., например: Puhvel, 1987, 92–93], который, так же как и некоторые другие грозовые боги, связан с черным цветом [Petrosyan, 2017, 174], а название его боевого топора — *paraśu* — этимологически соответствует греч. *πέλεκυς* ‘(двойной) топор, лабрис’ [Beekes, 2010, 1166–1167].

Учитывая сказанное, необходимо подумать и о версии индоевропейского происхождения теонима *Teš(š)ub / Teišeba*. В свете явной связи Тешшуба / Тейшебы и параллельных ему мифологических образов с топором его имя можно сравнить с индоевропейским корнем **teḱs-* ‘топор’, ‘творить, мастерить, особенно топором’, ср. авест. *taša-*, др.-в.-нем. *dehsa* ‘топор’, арм. (диал.) *t’eši / t’eşik* ‘веретено’ (для развития значения ср. др.-в.-нем. *dehsa* ‘топор’ и ср.-в.-нем. *dēhse* ‘веретено’ [см.: Petrosyan, 2002, 49; Martirosyan, 2010, 285–286]). И.-е. **teḱs-* характеризует также космогоническое действие бога-создателя, в роли которого в грозовом мифе выступает бог грозы. Именно в связи с этим нужно рассмотреть и эпитет бога грозы одного из древнейших царств Армянского нагорья Хайасы — клинопис. ^DU *takšanna-* «бог грозы *takšanna-*» [KUB, 26, 39; 4, 32], который был давно этимологизирован из **teḱs-*, ср. хетт. *takš-* ‘делать, готовить’, др.-инд. *takšan-* ‘плотник’, авест. *tašan-* ‘творец, создатель’ и т. д. [Petrosyan, 2002, 49; ср.: Джаукян, 1964, 55]. И.-е. **teḱs-*, таким образом, могло быть связано с богом грозы в двух разных традициях Армянского нагорья: *Teššub / Teišeba* и ^DU *takšanna-* представляют синхронные отражения **teḱs-* в двух разных индоевропейских языках (притом второе, возможно, арийское [см.: Petrosyan, 2018a]). Для второй части

³ Имя *Улликумми* было этимологизировано как «Разрушитель (города) Кумми» [см., например: Иванов, 1982, 158–159]. Тем не менее в письме, рекомендующем мою статью [Петросян, 1987], Вяч. Вс. Иванов согласился с идеей, что имя *Улликумми* могло быть связано с урарт. *Ueliku-ni/hi* и с индоевропейским именем Змея.

имени *Teššub* (*Teššob*) / *Teišeba* ср. и.-е. $*h_1ep-$ ‘брат, держать’ с развитием $p > b$ и $b = v/w$ (характерно для хурритского и урартского в соответствующих позициях) и с индоевропейским суффиксом / окончанием $*-eh_2 > -ā$, совпадающим с окончанием многих урартских теонимов (о хуррито-урартских лабиальных, соответствии хурр. клинопис. *u* с урарт. *e* и урартском суффиксе *-a* см. [Хачикийн, 1985, 35–38, 43, 58]; двойной *šš* в форме *Teššub* может отражать промежуточное состояние перехода $*k̄s > š$). Таким образом, имя *Teššub* / *Teišeba* можно трактовать как и.-е. «Держатель топора». Эта интерпретация сопоставима с подобными эпитетами Индры — «держателя ваджры»: *vajradakṣiṇa-* «державший ваджру в правой руке», *vajrabāhu-*, *vajrabadhā-*, *vajrapāṇi-*, *vajrahasta-* «ваджрарукий, обладатель ваджры», *vajradhara-* «державший ваджру» и т. д. [Monier-Williams, 1899, 913–914]; об этой этимологии *Тешшуба* / *Тейшебы* см. [Petrosyan, 2002, 49; 2012, 148–150].

Фонетический облик имени Тейшебы восстанавливается как $T^heiš/seb/wa$ (в армяно-урартских лексических и ономастических соответствиях урарт. $t = t' / t^h$, $š = š/s$, $b = b/w$ [см., например: Джаукян, 1987, 430–431]). Этот теоним сопоставим с именем древнегреческого героя *Тесея* (Θησεύς / *Tēseus*), у которого нет общепринятой этимологии (ср. особенно вероятный урартский вариант $T^heišewa$: в греческом *š* передано как *s*, а окончание соотносено с подобными греческими именами — *Achilleus*, *Morpheus*, *Orpheus* и т. п. [см.: Petrosyan, 2002, 49]). Тесей убивает Прокруста его же двойным топором [Лосев, 1957, 118] (см. ил. 1–9), а его знаменитый подвиг — поединок с Минотавром — происходит в лабиринте, ср. традиционную этимологию этого слова — «дом лабриса» [Beekes, 2010, 819]. Имя амазонки Ἴππολύτη (*Hippolytē* «Распрягающая коней»), жены Тесея, можно интерпретировать как народноэтимологическое переосмысление имени *Хебам* / *Хипа*, жены Тешшуба. В этом контексте весьма показательно, что лабрис, который стал предметом культа в Лидии и Карии — оружие Зевса Лабрандейского (Ζεὺς Λαβρανδεύς, ср. *лабиринт*), Геракл отнял у Ипполиты (Плутарх, «Греческие вопросы», 45). Следы мифологемы «лабрис и лабиринт», как мы увидели, выявляются на Армянском нагорье со второй половины III тыс. до н. э., да и амазонки обычно локализуются по соседству с Армянским нагорьем (Кавказ, Малая Азия). Посещение Тесеем загробного мира, где он в проводит несколько лет на троне забвения, сопоставимо с исчезновением анатолийского бога грозы и посещением Тешшубом подземелья [см.: Neu, 1988, 15; Hoffner, 1990, 20–22; Петросян, 1997, 18].

Из какого индоевропейского языка могли быть заимствованы имена Тейшебы и Тесея? Исходя из предложенной этимологии имени $*tek̄s-$ + $*h_1ep-$ и учитывая урартскую и греческую формы *Teišeba* [$T^heišewa$] и *Tēseus*, для этого языка были характерны следующие переходы $*t > t' (= t^h)$, $*e > ei/\bar{e}$, $k̄s > š$, $*p > w$. Из всех древних индоевропейских языков все эти переходы в соответствующих позициях свойственны только армянскому [см., например: Kortlandt, Beekes, 2003, 172, 173,

179, 201, 203, 205]⁴. Для теонима можно восстановить праформу **teks-h₁ep-eh₂*, которая в древнейшем армянском дала бы **T'eišewa*, а после происшедшего в первых веках н. э. выпадения последнего гласного — **T'ēšew*.

Два поздних варианта этого имени, похоже, сохранились в традиционных припевах фольклорных песен армян Муш-Сасунского региона — центра бывшего культа бога грозы Вахагна: *T'əšieb, hay T'əšieb* «*T'əšieb*, эй *T'əšieb*» [Ишханян, 1988, 46] и *T'ešib, T'ešib, T'ešib, naye* «*T'ešib, T'ešib, T'ešib*, смотри!» [Хачатрян MS] (о сохранении древних теонимов в припевах армянских и грузинских песен см. [Сванидзе, 1937; Капанцян, 1956, 295; Petrosyan, 2002, 8; 2018b, 169–170]). В этом регионе — древней стране Шубрии (XIII–VII вв. до н. э.) — почти все известные цари носили имена, связанные с Тешшубом: *Ligi-Tešub, Šerpi-Tešub, Kali-Tešub, Kili-Tešub, Šadi-Tešub, Hu-Tešub, Ik-Tešub* [см.: Gelb, 1944, 82–83; Петросян, 2020, 48], и сходство восклицаний в припевах с теонимом вряд ли случайно. Интересно, что эти восклицания больше напоминают армянскую или урартскую, а не хурритскую (шубрийскую) форму теонима. С другой стороны, они, очевидно, являются искаженными формами, которые можно объяснить поздней трансформацией давно забытого исконного имени **T'ešev* (> **T'ēšew*), ведь уже в дохристианскую эпоху богом грозы у армян был Вахагн, имя которого было заимствовано из парфянского в последних веках до н. э. (но и у божества, стоящего за этим иранским именем, выявляются черты образа древнего бога, очень похожего на Индру и Тешшуба [см.: Петросян, 2021a]). В этих именах главное отличие от ожидаемой новоармянской формы — наличие *b* вместо **w*, которое можно объяснить, например, неточностью записи или вероятным фактором табуизации, ведущей к искажениям [см.: Jakobson, 1985, 13, с литературой и примерами].

Как мог этот теоним быть заимствован в греческий, притом в форме, близкой к протоармянской или, во всяком случае, к урартской *T'eišewa*, а не к известной уже с III тыс. до н. э. по всему древнему Ближнему Востоку *Teššub*'а? Надо полагать, что где-то в пространстве и времени был контакт между древними греками и предками армян и/или урартов.

Мифы и герои минойского цикла о Крите связаны с Левантом. Зевс в образе быка похищает финикийскую царевну Европу и переносит ее на Крит. Их сын, царь Крита Минос, требует у афинян постоянной дани: чтобы они периодически, раз в девять лет, присылали юношей и девушек в Критский лабиринт на съедение «наполовину человеку и наполовину быку», чудовищу Минотавру. Когда Минос приезжает в третий раз за данью, сын афинского царя Тесей сам отправляется с юношами и девушками на Крит, чтобы помериться силами с чудовищем. Там он убивает Минотавра в лабиринте. Античная традиция относит время жизни

⁴ Для перехода **ks* > *š* ср. н.-арм. *t'ešik* 'веретено', для **e* > *ē* (= *ei*) перед *š* ср. арм. *ēš* 'осел' < **ekwo-* (н.-арм. *eš*).

Тесея к XIII в. до н. э., к эпохе до Троянской войны. В Леванте и сопредельных регионах хурриты известны уже с половины III тыс. до н. э. Если имя Тейшебы или его армянского прототипа кажется очевидным источником имени Тесея, того же нельзя сказать о мифологеме: урартские мифы о Тейшебе, так же как армянские мифы о древнейшем боге грозы, неизвестны. А то, что известно о Тешшубе, не очень похоже на миф о Тесее и Минотавре⁵.

Связи рассматриваемого цикла с Левантом позволяют предложить следующую гипотезу. Получеловек-полубык Минотавр может рассматриваться как переосмысленная версия западносемитского бога войны и грозы Ваала, который изображался человекоподобным, но назывался «быком» и которому приносились человеческие жертвоприношения (Иер. 19:4–6). Тогда миф о победе Тесея (= Тешшуба) над Минотавром (= Ваалом) может быть отголоском тех времен и событий, когда народ-носитель культа Тейшебы появился в Сирии и прилегающих регионах, населенных западными семитами. Притом Тесей и Минотавр представляются олицетворениями народов-носителей их культа (протоармяне или хуррито-урарты и западные семиты). Это сопоставимо с армянскими мифами о Гайке и Араме, эпических трансформациях бога грозы, двойниках Тешшуба / Тейшебы, которые убивают своих противников — вавилонянина Бела и сирийца Баршама (т. е. вавилонского бога Бел-Мардука и сирийского бога Баал-Шамина [см.: Petrosyan, 2002, 46 и след., 57–58; 2009, 160–161; Петросян, 2020, 38–41, 61–64]).

Но мифологемы «бык / топор в лабиринте» и «топор / лабрис / молот — оружие громовержца», как мы видели, выявляются по данным материальной культуры Древней Армении (каменные вишапы, топоробыки, изображения древних богов и пр.). Значит, в культуре жителей центральных и северных территорий Армянского нагорья начиная с эпохи средней бронзы до эпохи раннего железа (XXIV–IX вв. до н. э.) могли бытовать мифы, содержащие те же мотивы, что и более поздние мифы о Тесее, Минотавре и лабиринте. Территория современной Армении в эту эпоху входила в состав обширного племенного объединения, которое в урартских источниках называется *Etiuni* или *Etiuhi*. Согласно нашей гипотезе, именно эта страна была родиной древнейших армян в II и начале I тыс. до н. э., а *Etiu-ni/hi* «Эму’ская страна» — урартское название Армении, восходящее к древней форме самоназвания армян *hay* (< *hat’io* [см.: Petrosyan, 2018b, 158–174; Петросян, 2021б]). Это еще раз дает основания говорить, что мифологема Тешшуба / Тейшебы заимствована у древнейших армян во второй половине III тыс. до н. э. на территории центральных и северных областей

⁵ Правда, есть данные, которые могут намекать на связь мифов о Тешшубе и Тесее. Например: Тесей — сводный брат Минотавра, как и Тешшуб — Уликумми; девятилетняя периодичность принесения человеческих жертв Минотавру и победа Тесея над ним во время третьего отправления жертв напоминает очередность царствования богов на небесах хурритской мифологии — цари меняются раз в девять лет, с победой нового претендента, и третий из них, Тешшуб, после победы над предшественником остается царем навсегда [Hoffner, 1990, 40–43].

Армянского нагорья. Греки-ахейцы в этом регионе (в Киликии) появляются в конце бронзового — начале железного веков [Gander, 2012; Bryce, 2016]. Киликия всегда развивалась в контакте с Сирией, причем ключевой эпизод мифа о Тешшубе и Улликумми локализуется именно на границе Сирии и Киликии, на горе Хацци (совр. Джебели-Акра) и в заливе Искендерун [Hoffner, 1990, 55–56; Вильгельм, 1992, 104]. Доходили ли древнейшие армяне или урарты до Киликии — или киликийские ахейцы до армянских или урартских земель, трудно сказать. Как бы то ни было, видимо, именно эти ахейцы могли заимствовать мифологему Тесея и перенести ее в Грецию, где она подверглась изменениям и была окончательно эллинизирована.

Источники

- Шахнаме — Фирдоуси: поэмы из Шахнаме / пер. С. Липкин. Сталинабад : Таджик. гос. изд-во, 1959.
- Hoffner A. Hittite myths. Atlanta : Scholars Press, 1990.
- KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Bd. 1–60. Berlin : Mann, 1921–1990.

Исследования

- Абрамян Л. А. «Топоробък» в лабиринте: об интерпретации одной композиции бронзового века // Историко-культурное наследие Ширака : материалы республ. науч. сессии / ред. С. Айрапетян и др. Гюмри : Ширакский центр арменоведческих исследований, 2004. С. 12–14. (На арм. яз.).
- Абрамян Л. А. «Топоробък»: изобразительная анаграмма железного века // Сравнительно-историческое языкознание XIX–XXI вв. К 200-летию со дня рождения Августа Шлейхера (1821–1868) : материалы XI Междунар. науч. конф. по сравнительно-историческому языкознанию (МГУ имени М. В. Ломоносова, 23–25 ноября 2021 г.) / ред. Л. А. Чиждова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2022. С. 5–9.
- Аветисян П. С. Армянское нагорье в XXIV–IX веках до н. э. (динамика социокультурных трансформаций согласно археологическим данным). Ереван : Ин-т археологии и этнографии, 2014. (На арм. яз.).
- Аветисян П. С., Мкртчян Р. А. Опыт социодемографического анализа талинских захоронений раннежелезного века // Научная сессия, посвященная результатам полевых археологических работ 1991–1992 гг. Ереван : Ин-т археологии и этнографии, 1994. С. 24–27. (На арм. яз.).
- Бадалян Р. С., Агекян Г. К. Раскопки оромского некрополя // Археологические работы в новостройках Армении / ред. Г. А. Тирицян и др. Ереван : Изд-во АН, 1994. С. 67–74. (На арм. яз.).
- Вильгельм Г. Древний народ хурриты. М. : Наука, 1992.
- Геворгян А. Ц. Металлопроизводство Армении в предурартское время // Халдиевым могуществом... : сб. ст. к 100-летию Бориса Пиотровского. Ереван : Гитутюн, 2010. С. 191–211.
- Джаукян Г. Б. Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван : Изд-во АН, 1964. (На арм. яз.).
- Джаукян Г. Б. История армянского языка: дописьменный период. Ереван : Изд-во АН, 1987. (На арм. яз.).

- Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М. : Наука, 1990.
- Иванов Вяч. Вс. Бык // Мифы народов мира : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 203.
- Иванов Вяч. Вс. К этимологии некоторых миграционных культурных терминов // Этимология — 1980 / под ред. Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 1982. С. 157–166.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М. : Наука, 1974.
- Исиханян Р. А. Вопросы происхождения и древнейшей истории армянского народа. Ереван : Айастан, 1988. (На арм. яз.).
- Капанцян Г. А. Историко-лингвистические работы. Т. 1. Ереван : Изд-во АН, 1956.
- Лосев А. Ф. Античная мифология. М. : Изд-во Мин. просвещения СССР, 1957.
- Мартirosян А. А. Доисторические иероглифы Армении и их урарто-армянские дублеты. Ереван : Изд-во АН, 1973. (На арм. яз.).
- Мкртчян Р. А. Палеоантропология оромского могильника. Ереван : Зангак-97, 2001.
- Петросян А. Е. Отражение индоевропейского корня **uel-* в армянской мифологии // Вестник общественных наук Армянской ССР. 1987. № 1. С. 56–70.
- Петросян А. Е. Миф об Арамие в контексте индоевропейской мифологии и проблема происхождения армянского народа. Ереван : Ван Арян, 1997. (На арм. яз.).
- Петросян А. Е. Тридцать лет спустя // Каменные стелы вишапы. Ереван : Гитутюн, 2015. С. 13–52. (На арм. яз.).
- Петросян А. Е. Древнейшие истоки армянского эпоса — 2. Ереван : Ин-т археологии и этнографии, 2020. (На арм. яз.).
- Петросян А. Е. «Песня Вахагна» и армянский эпос // Вестник армяноведения. 2021а. № 3. С. 146–166. (На арм. яз.).
- Петросян А. Е. Страна армян в начале I тыс. до н. э. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021б. Вып. 25. С. 1014–1031.
- Петросян А. Е. Эволюция героев армянского эпоса // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021в. № 3. С. 97–106.
- Петросян А. Е. *Арагац*: имя и миф // Вестник армяноведения. 2022. № 3. С. 169–185. (На арм. яз.).
- Пиотровский Б. Б. Урарту. Ереван : Изд-во АН, 1944.
- Сванидзе А. С. Названия древневосточных богов в грузинских песнях // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 87–93.
- Сефербеков Р. И. Верховные боги (громовержцы) народов Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 4. С. 66–92.
- Хачатрян MS — Фонд Р. Хачатрян Института археологии и этнографии НАН Армении. № FRI: 3848.
- Хачикян М. Л. Хурритский и урартский языки. Ереван : Изд-во АН, 1985.
- Abrahamian L. H. 'Axe-bull': an Iron-Age iconic anagram // Systemizing the Past: Papers in Near Eastern and Caucasian Archaeology Dedicated to Pavel S. Avetisyan on the Occasion of His 65th Birthday / ed. by Y. H. Grekyan, A. A. Bobokhyan. Oxford : Archaeopress, 2023. P. 1–5.
- Archi A. The Former History of Some Hurrian Gods // Acts of the 3rd International Congress of Hittitology (Çorum, Sept. 16–22, 1996) / ed. by S. Alp, A. Suel. Ankara : Uyum Ajans, 1998. P. 39–44.
- Avetisyan P., Dan R., Petrosyan A. Axes, labyrinths and astral symbols: bronze pendants and pins from the Armenian Highlands // Ancient West & East. 2018. No. 17. P. 27–63.
- Beeke R. Etymological Dictionary of Greek. Vols. 1–2. Leiden : Brill, 2010.
- Bryce T. The land of Hiyawa (Que) revisited // Anatolian Studies. 2016. No. 66. P. 67–79.

- Elr — Encyclopaedia Iranica. New York : Brill, 1985–. Vol. 1–. URL: <https://iranicaonline.org/> (date of access: 17.02.2023).
- Gander M. Ahhiyawa — Hiyawa — Que: Gibt es Evidenz für die Anwesenheit von Griechen in Kilikien am Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit? // *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*. 2012. Vol. 54. P. 281–309.
- Gelb I. J. Hurrians and Subareans. Chicago : Chicago Univ. Press, 1944.
- Jakobson R. Selected Writings. Vol. 7. The Hague : Walter de Gruyter, 1985.
- Kortlandt F., Beekes R. Armeniaca. Ann Arbor : Caravan Books, 2003.
- Laroche E. Panthéon national et panthéons locaux chez les Hourrites // *Orientalia*. 1976. No. 45. P. 94–99.
- Laroche E. Glossaire de la langue hourrite // *Revue hittite et asianique*. 1976–1977. Vol. 34–35.
- Martirosyan H. K. Etymological dictionary of the Armenian inherited lexicon. Leiden ; Boston : Brill, 2010.
- Martirosyan H. K. The Place of Armenian in the Indo-European Language Family, The Relationship with Greek and Indo-Iranian // *Journal of Language Relationship*. 2013. No. 10. P. 85–139.
- Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary. Oxford : Clarendon Press, 1899.
- Neu E. Das Hurritische: eine altorientalische Sprache in neuem Licht. Wiesbaden : Steiner Ver., 1988.
- Petrosyan A. Y. The Indo-European and ancient Near Eastern sources of the Armenian epic. Washington DC : Institute for the Study of Man, 2002.
- Petrosyan A. Y. Forefather Hayk in the Light of Comparative Mythology // *Journal of Indo-European Studies*. 2009. Vol. 37. P. 155–163.
- Petrosyan A. Y. The cities of Kumme, Kummanna and their god Teššub / Teišeba // *Archaeology and Language: Indo-European Studies Presented to James P. Mallory / ed. by M. E. Huld, K. Jones-Bley, D. Miller*. Washington DC : Institute for the Study of Man, 2012. P. 141–156.
- Petrosyan A. Y. Indo-European *wel- in Armenian mythology // *Journal of Indo-European Studies*. 2016. Vol. 44. P. 129–146.
- Petrosyan A. Y. Armeno-Indian epic parallels // *Journal of Indo-European studies*. 2017. Vol. 45. P. 172–186.
- Petrosyan A. Y. Aryan Traces in the onomastics of Hayasa // *Iran and the Caucasus*. 2018a. No. 22. P. 177–180.
- Petrosyan A. Y. The problem of Armenian origins. Washington DC : Institute for the Study of Man, 2018b.
- Petrosyan A. Y. 'Axe-bull': order of the thunder god // *Systemizing the Past: Papers in Near Eastern and Caucasian Archaeology Dedicated to Pavel S. Avetisyan on the Occasion of His 65th Birthday / ed. by Y. H. Grekyan, A. A. Bobokhyan*. Oxford : Archaeopress, 2023. P. 385–389.
- Puhvel J. Comparative Mythology. Baltimore ; London : The John Hopkins Univ. Press, 1987.
- Schwemer D. Die Wettergottgestalten Mesopotamiens und Nordsyriens im Zeitalter der Keilschriftkulturen. Wiesbaden : Harrassowitz Verl., 2001.
- Watkins C. How to Kill a Dragon. New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1995.
- West M. Indo-European Poetry and Myth. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 19.04.2022

Рукопись принята к печати 11.11.2022

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

авест. авестийский
др.-перс. древнеперсидский
н.-арм. новоармянский
н.-перс. новоперсидский

ср.-в.-нем. средневерхненемецкий
урарт. урартский
хетт. хеттский
хурр. хурритский

Прочие

клинопис. клинописный

* * *

Петросян Армен Егишевич

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Институт археологии и этнографии НАН
Республики Армения
Армения, 0025, Ереван, ул. Чаренца, 15
E-mail: alpehist@gmail.com

Petrosyan, Armen Yeghishevich

DrHab, Principal Research Fellow
Institute of Archaeology and Ethnography,
National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia
15, Charents St., 0025 Yerevan, Armenia
Email: alpehist@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1982-5593>

Armen Y. Petrosyan

Institute of Archaeology and Ethnography
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
Yerevan, Armenia

**THE EARLIEST ARMENIAN THUNDER GOD,
HURRO-URARTIAN *TEŠŠUB/TEIŠEBA* AND THE GREEK *THESEUS*:
IMAGE AND NAME**

The most outstanding monuments of ancient Armenia are the huge stone steles vishaps (“dragons”), the first samples of which date back to the beginning of the Middle Bronze Age (14th c. BC). A detailed analysis shows that the vishaps were attributes of the cult of the Indo-European thunder god, and before the Iranian word *višap* was borrowed, they were called by an Indo-European name of the mythological Serpent (*get* < **wel-*), the adversary of the god. Echoes of this Indo-European myth are also found in other archaeological artifacts of pre-Urartian Armenia. The most interesting of them, the so-called axe-bull, a bronze object with something resembling both a bull’s head and an axe in the center, surrounded by two or three open or closed concentric circles. According to L. Abrahamyan, this composition can be best explained by the Greek mythologeme “Minotaur in the Labyrinth.” The Indo-European thunder god represented the military function and thus embodied the image of an archaic warrior. His weapon was a hammer or an axe, and his symbol was a bull. The name of the Hurrian-Urartian

thunder god (Hurr. *Teššub*, Urart. *Teišeba* (= *Theišewa*)) has no acceptable etymology in these languages. Its attributes, symbol, and myths (axe, bull, victory over a stone monster) resemble the image of the Indo-European thunderer. The article proposes an Armenian etymology for this theonym from the Indo-European **tek*'s- + **h₁ep-* ‘axe holder.’ His image, Grecized as *Theseus*, was borrowed by the Greeks (apparently, through the Cilician Achaeans of the end of the 2nd millennium BC) becoming one of the key figures of the Cretan cycle.

К е у о р д с: Indo-European linguistics; Indo-European mythology; thunder god; Hurrian mythology; *Teššub/Teišeba*; *Theseus*

- Abrahamian, L. A. (2004). “Toporobyk” v labirinte: ob interpretatsii odnoi kompozitsii bronzovogo veka [“Axe-Bull” in the Labyrinth: To the Interpretation of one Composition of the Bronze Age]. In S. Hayrapetyan et al. (Eds.), *Istoriko-ku'turnoe nasledie Shiraka: materialy respubl. nauch. sessii* [Historical and Cultural Heritage of Shirak: Proceedings of the Republic Scientific Session] (pp. 12–14). Gyumri: Shirakskii tsentr armenovedcheskikh issledovani. (In Armenian)
- Abrahamian, L. A. (2022). “Toporobyk”: izobrazitel'naia anagramma zheleznogo veka [“Axe-Bull”: a Pictorial Anagram of the Iron Age]. In L. A. Chizhova (Ed.), *Sravnitel'no-istoricheskoe iazykoznanie XIX–XXI vv. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia Avgusta Shleikhera (1821–1868): materialy XI Mezhdunar. nauch. konf. po sravnitel'no-istoricheskomu iazykoznaniiu (MGU imeni M. V. Lomonosova, 23–25 noiabria 2021 g.)* [Comparative-Historical Linguistics of the 19th–21st Centuries. On the 200th Anniversary of the Birth of August Schleicher (1821–1868): Proceedings of the 11th International Conference in Comparative Historical Linguistics (Lomonosov Moscow State University, November 23–25, 2021)] (pp. 5–9). Moscow: Moscow University Press.
- Abrahamian, L. H. (2023). ‘Axe-bull’: An Iron-Age Iconic Anagram. In Y. H. Grekyan, & A. A. Bobokhyan (Eds.), *Systemizing the Past: Papers in Near Eastern and Caucasian Archaeology Dedicated to Pavel S. Avetisyan on the Occasion of His 65th Birthday* (pp. 1–5). Oxford: Archaeopress.
- Archi, A. (1998). The Former History of Some Hurrian Gods. In S. Alp, & A. Suel (Eds.), *Acts of the 3rd International Congress of Hittitology (Çorum, Sept. 16–22, 1996)* (pp. 39–44). Ankara: Uyum Ajans.
- Avetisyan, P. S. (2014). *Armianskoe nagor'e v XXIV–IX vekakh do n. e. (dinamika sotsiokul'turnykh transformatsii soglasno arkheologicheskim dannym)* [The Armenian Highland in the 14th–19th Centuries BC (the Dynamics of Socio-cultural Transformations According to Archaeological Data)]. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography. (In Armenian)
- Avetisyan, P., Dan, R., & Petrosyan, A. (2018). Axes, Labyrinths, and Astral Symbols: Bronze Pendants and Pins from the Armenian Highlands. *Ancient West & East*, 17, 27–63.
- Avetisyan, P. S., & Mkrtchyan, R. A. (1994). Opyt sotsiodemograficheskogo analiza talinskikh zakhoroneni. rannezheleznogo veka [Socio-demographic Analysis of the Talin Burials of the Early Iron Age]. In *Nauchnaia sessiia, posviashchennaia rezul'tatam polevykh arkheologicheskikh rabot 1991–1992 gg.* [Scientific Session Dedicated to the Results of Field Archaeological Work in 1991–1992] (pp. 24–27). Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography. (In Armenian)
- Badalyan, R. S., & Agekyan, G. K. (1994). Raskopki oromskogo nekropolia [Excavations of the Orom Necropolis]. In G. A. Tiratsyan et al. (Eds.), *Arkheologicheskie raboty v novostroikakh Armenii* [Archaeological Work in the New Buildings of Armenia] (pp. 67–74). Yerevan: Izd-vo AN. (In Armenian)
- Beekes, R. (2010). *Etymological Dictionary of Greek* (Vols. 1–2). Leiden : Brill.

- Bryce, T. (2016). The Land of Hiyawa (Que) Revisited. *Anatolian Studies*, 66, 67–79.
- Dyakonov, I. M. (1990). *Arkhaischeskie mify Vostoka i Zapada* [Archaic Myths of East and West]. Moscow: Nauka.
- Dzhaukian, G. B. (1964). *Khaisasskii iazyk i ego otnoshenie k indoevropskim iazykam* [The Hayas Language and its Relation to the Indo-European Languages]. Yerevan: Izd-vo AN. (In Armenian)
- Dzhaukian, G. B. (1987). *Istoriia armianskogo iazyka: dopis'mennyi period* [History of the Armenian Language: Pre-literate Period]. Yerevan: Izd-vo AN. (In Armenian)
- Encyclopaedia Iranica* (1985–). (Vols. 1–). New York: Brill. Retrieved from <https://iranicaonline.org/>
- Gander, M. (2012). Ahhiyawa — Hiyawa — Que: Gibt es Evidenz für die Anwesenheit von Griechen in Kilikien am Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit? *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*, 54, 281–309.
- Gelb, I. J. (1944). *Hurrians and Subareans*. Chicago: Chicago University Press.
- Gevorgyan, A. Ts. (2010). Metalloproduktivnost' Armenii v predurartianskoe vremia. [Metal Production in Armenia in the pre-Urartian Period]. In *Khaldievym mogushchestvom...: sbornik statej k 100-letiiu Borisa Piotrovskogo* [In Khaldiev's Might...: Collected Papers to the 100th Anniversary of Boris Piotrovsky] (pp. 191–211). Yerevan: Gitutium.
- Ishkhanyan, R. A. (1988). *Voprosy proiskhozhdeniia i drevneishei istorii armianskogo Naroda* [Questions of the Origin and Ancient History of the Armenian People]. Yerevan: Aiastan. (In Armenian)
- Ivanov, V. V. (1980). Byk [Bull]. In S. A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World] (Vol. 1, p. 203). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Ivanov, V. V. (1982). K etimologii nekotorykh migratsionnykh kul'turnykh terminov [On the Etymology of Some Migratory Cultural Terms]. In Zh. Zh. Varbot (Ed.), *Etimologiya — 1980* [Etymology — 1980] (pp. 157–166). Moscow: Nauka.
- Ivanov, V. V., & Toporov, V. N. (1974). *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei* [Research in the Field of Slavic Antiquities]. Moscow: Nauka.
- Jakobson, R. (1985). *Selected Writings* (Vol. 7). The Hague: Walter de Gruyter.
- Kapantsyan, G. A. (1956). *Istorko-lingvisticheskie raboty* [Historical and Linguistic Works] (Vol. 1). Yerevan: Izd-vo AN.
- Khachikyan, M. L. (1985). *Khurritskii i urartskii iazyki* [Hurrian and Urartian Languages]. Yerevan: Izd-vo AN.
- Kortlandt, F., & Beekes, R. (2003). *Armeniaca*. Ann Arbor: Caravan Books.
- Laroche, E. (1976). Panthéon national et panthéons locaux chez les Hourrites. *Orientalia*, 45, 94–99.
- Laroche, E. (1976–1977). Glossaire de la langue hourrite. *Revue hittite et asianique*, 34–35.
- Losev, A. F. (1957). *Antichnaia mifologiya* [Ancient Mythology]. Moscow: Izd-vo Min. prosveshcheniia SSSR.
- Martirosyan, A. A. (1973). *Doistoricheskie ieroglify Armenii i ikh urarto-armianskie dublety* [Prehistoric Hieroglyphs of Armenia and their Urartian-Armenian Doublets]. Yerevan: Izd-vo AN. (In Armenian)
- Martirosyan, H. K. (2010). *Etymological Dictionary of the Armenian Inherited Lexicon*. Leiden; Boston: Brill.
- Martirosyan, H. K. (2013). The Place of Armenian in the Indo-European Language Family, The Relationship with Greek and Indo-Iranian. *Journal of Language Relationship*, 10, 85–139.
- Mkrtchyan, R. A. (2001). *Paleoantropologiya oromskogo mogil'nika* [Paleoanthropology of the Orom Burial Ground]. Yerevan: Zangak-97.
- Monier-Williams, M. (1899). *A Sanskrit-English Dictionary*. Oxford: Clarendon Press.

- Neu, E. (1988). *Das Hurritische: eine altorientalische Sprache in neuem Licht*. Wiesbaden: Steiner Verlag.
- Petrosyan, A. Y. (1987). Otrazhenie indoeuropeiskogo kornia **uel-* v armianskoi mifologii [Reflection of the Indo-European Root **uel-* in Armenian Mythology]. *Vestnik obshchestvennykh nauk Armianskoi SSR*, 1, 56–70.
- Petrosyan, A. Y. (1997). Mif ob Aramie v kontekste indoeuropeiskoi mifologii i problema proiskhozhdeniia armianskogo Naroda [The Myth of Arami in the Context of Indo-European Mythology and the Problem of the Origin of the Armenian People]. Yerevan: Van Arian. (In Armenian)
- Petrosyan, A. Y. (2002). *The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic*. Washington DC: Institute for the Study of Man.
- Petrosyan, A. Y. (2009). Forefather Hayk in the Light of Comparative Mythology. *Journal of Indo-European Studies*, 37, 155–163.
- Petrosyan, A. Y. (2012). The Cities of Kumme, Kummanna and their God *Teššub / Teišeba*. In M. E. Huld, K. Jones-Bley, & D. Miller (Eds.), *Archaeology and Language: Indo-European Studies Presented to James P. Mallory* (pp. 141–156). Washington DC: Institute for the Study of Man.
- Petrosyan, A. Y. (2015). Tridtsat' let spustia [Thirty Years Later]. In *Kamennye stely vishapy* [Stone Steles of Vishaps] (pp. 13–52). Yerevan: Gitutiun. (In Armenian)
- Petrosyan, A. Y. (2016). Indo-European **wel-* in Armenian Mythology. *Journal of Indo-European Studies*, 44, 129–146.
- Petrosyan, A. Y. (2017). Armeno-Indian Epic Parallels. *Journal of Indo-European studies*, 45, 172–186.
- Petrosyan, A. Y. (2018a). Aryan Traces in the Onomastics of Hayasa. *Iran and the Caucasus*, 22, 177–180.
- Petrosyan, A. Y. (2018b). *The Problem of Armenian Origins*. Washington DC: Institute for the Study of Man.
- Petrosyan, A. Y. (2020). *Drevneishie istoki armianskogo eposa — 2* [The Ancient Origins of the Armenian Epic — 2]. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography. (In Armenian)
- Petrosyan, A. Y. (2021a). “Pesnia Vakhagna” i armianskii epos [The *Song of Vahagn* and the Armenian Epic]. *Vestnik armianovedeniia*, 3, 146–166. (In Armenian)
- Petrosyan, A. Y. (2021b). Strana armian v nachale I tys. do n. e. [The Land of Armenians at the Beginning of the 1st Millennium BC]. *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiya*, 25, 1014–1031.
- Petrosyan, A. Y. (2021c). Evoliutsiia geroev armianskogo eposa [The Evolution of the Heroes of the Armenian Epic]. *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*, 3, 97–106.
- Petrosyan, A. Y. (2022). *Aragats: imia i mif* [Aragats: Name and Myth]. *Vestnik armianovedeniia*, 3, 169–185. (In Armenian)
- Petrosyan, A. Y. (2023). ‘Axe-bull’: Order of the Thunder God. In Y. H. Grekyan, & A. A. Bobokhyan (Eds.), *Systemizing the Past: Papers in Near Eastern and Caucasian Archaeology Dedicated to Pavel S. Avetisyan on the Occasion of His 65th Birthday* (pp. 385–389). Oxford: Archaeopress.
- Piotrovsky, B. B. (1944). *Urartu*. Yerevan: Izd-vo AN.
- Puhvel, J. (1987). *Comparative Mythology*. Baltimore; London: The John Hopkins University Press.
- Schwemer, D. (2001). *Die Wettergottgestalten Mesopotamiens und Nordsyriens im Zeitalter der Keilschriftkulturen*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.
- Sferbekov, R. I. (2005). Verkhovnye bogi (gromoverzhtsy) narodov Dagestana [The Supreme Gods (Thunderers) of the Peoples of Dagestan]. *Vestnik Instituta istorii, arkeologii i etnografii*, 4, 66–92.

- Svanidze, A. S. (1937). Nazvaniia drevnevostochnykh bogov v gruzinskikh pesniakh [Names of Ancient Oriental Gods in Georgian Songs]. *Vestnik drevnei istorii*, 1, 87–93.
- Watkins, C. (1995). *How to Kill a Dragon*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- West, M. (2007). *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Wilhelm, G. (1992). *Drevnii narod khurrity* [The Ancient Hurrians]. Moscow: Nauka.

Received on 19 April 2022
Accepted on 11 November 2022